
ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ВОПРОСЫ МЕТОДОВ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ JOURNALISM THEORY AND ISSUES IN MEDIA RESEARCH METHODS

Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 2 (48). С. 18–24.

eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).

Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023;2(48): 18–24.

eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).

Научная статья

УДК 070

DOI 10.47475/2070-0695-2023-48-2-18-24

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ «ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО» В РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ: НОСТАЛЬГИЯ И ПРАГМАТИКА

Валерий Михайлович Амиров¹, Денис Сергеевич Колчин²

¹ Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, vestnik-va@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>

² Информационное агентство «Интерфакс-Урал», Екатеринбург, Россия, krusaider84@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – изучение особенностей функционирования идеологемы «постсоветское пространство» в материалах политической журналистики. Статья способствует развитию научного осмысления практики использования пропагандистских терминов в журналистских текстах, что является актуальной проблемой современной филологии, активно изучающей вопросы проникновения элементов пропаганды в публикации, посвященные внешней политике. Теоретическим основанием для исследования послужили работы российских филологов по проблематике медиатизации политических событий, функционирования идеологем в медиатекстах. В статье анализируются особенности идеологизации термина «постсоветское пространство», определяются и характеризуются специфические черты функционирования данной идеологемы в текстах российских печатных и сетевых изданий, посвященных политической проблематике. Эмпирической базой исследования стали более 100 публикаций российских общественно-политических медиа. Выделены факторы, влияющие на функционирование идеологемы: политический, военный, экономический, социально-культурный. Тезисы статьи проиллюстрированы примерами из публикаций. На основании анализа сделаны выводы о целях, которые преследуют журналисты, интегрируя идеологему «постсоветское пространство» в материалы политического характера.

Полученные результаты доказывают наличие влияния на трансформацию идеологемы различных факторов: политических, экономических, военных, этнонациональных и других. Одним из важных результатов является рассмотрение авторами статьи процесса медиатизации как привнесения с помощью системы медиаинструментов событий политического и военно-политического характера в информационную повестку общества, семьи, конкретно взятого человека, не имеющих прямого отношения к такой действительности. Авторы приходят к выводам о «ностальгическом» и прагматическом характере идеологемы «постсоветское пространство» в зависимости от целей текстов, в которых она используется журналистами.

Ключевые слова: СМИ, журналистика, «постсоветское пространство», политика, идеологема, медиатекст

Для цитирования: Амиров В. М., Колчин Д. С. Функционирование идеологемы «постсоветское пространство» в российских политических медиатекстах: ностальгия и прагматика // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 2 (48). С. 18–24. doi: 10.47475/2070-0695-2023-48-2-18-24

Original article

**THE FUNCTIONING OF THE IDEOLOGEM “POST-SOVIET SPACE”
IN RUSSIAN POLITICAL AND MILITARY-POLITICAL MEDIA TEXTS:
NOSTALGIA AND PRAGMATICS**

Valery M. Amirov¹, Denis S. Kolchin²

¹ Ural Federal University named after the First President B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, vestnik-va@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>

² Interfax news agency, Yekaterinburg, Russia, krusaider84@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the peculiarities of the functioning of the ideologem “post-Soviet space” in the materials of political journalism.

The article contributes to the development of scientific understanding of the practice of using propaganda terms in journalistic texts, which is an urgent problem of modern philology, which actively studies the penetration of aspects of propaganda into publications on foreign policy.

The theoretical basis for the study was the work of Russian philologists on the mediatization of political events, the functioning of ideologues in media texts. The article analyzes the peculiarities of the ideologization of the term “post-Soviet space,” defines and characterizes the specific features of the functioning of this ideologem in the texts of Russian print and online publications devoted to political issues.

The empirical basis of the study was more than 100 publications of Russian socio-political media. Factors affecting the functioning of the ideologem are highlighted: political, military, economic, socio-cultural. The abstracts of the article are illustrated by examples from publications. Based on the analysis, conclusions were made about the goals that journalists pursue by integrating the ideologue of the “post-Soviet space” into their political materials.

The results obtained prove the influence on the transformation of the ideologem of various factors: political, economic, military, ethno-national and others. One of the important results is the consideration by the authors of the article of the mediatization process as introducing events of a political and military-political nature into the information agenda of society, a family, specifically taken by a person who are not directly related to such reality.

The authors come to conclusions about the “nostalgic” and pragmatic nature of the ideologem “post-Soviet space,” depending on the purposes of the texts in which it is used by journalists.

Keywords: Media, journalism, “post-Soviet space,” politics, ideologem, media text

For citation: Amirov V. M., Kolchin D. S. The functioning of the ideologem “post-soviet space” in Russian political and military-political media texts: nostalgia and pragmatics. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2023; 2(48): 18–24. (In Russ.). doi: 10.47475/2070-0695-2023-48-2-18-24

Повышение внимания общественности к политической проблематике актуализирует изучение медиатекстов этого сегмента, активно представляемых читателю российскими традиционными и сетевыми СМИ. При этом очевидный научный интерес имеют как вопросы медиатизации событий политической и военно-политической отнесенности, так и аспекты функционирования в подобных текстах системообразующих идеологем, на которых журналисты строят оценочность и которые являются ориентирами для конструирования образов, формируют у читателя и зрителя структурное понимание происходящих внешнеполитических процессов.

Информационные технологии и запрос аудитории на острый и неоднозначный контент милитарного характера принесли военно-политические конфликты в каждый дом, сделали данные сюжеты частью жизни всего общества, медиатизировали эти события, одновременно расширяя, таким образом, степень влияния СМИ на жизнь государства и индивида. Об этом, например, пишет Н. И. Наседкина, констатирующая, что «термин «медиатизация» сегодня широко востребован в коммуникативистике и закрепился в качестве ключевого обозначения процесса влияния медиа на различные стороны жизни социума» (Наседкина 2018). С ней согласны А. Н. Гуреева, указывающая на то обстоятельство, что «современная трактовка понятия медиатизации в целом сводится к интеграции медиа в различные сферы жизни общества, формированию единой культурно-коммуникационной системы социума» (Гуреева 2016: 194), и В. М. Амиров, полагающий, что медиатизация вооруженных конфликтов становится выраженным трендом последних десятилетий (Амиров 2020: 23). Для понимания процесса медиатизации внешнеполитического конфликта важно также мнение Н. С. Лабуша и А. С. Пую, полагающих, что «основная черта медиатизации экстремальных форм политического процесса состоит в том, что их агрессивный, насильственный характер отражается и в соответствующих массмедийных формах» (Лабуш, Пую 2019: 144–145).

Исходя из представленных мнений, логично предположить, что медиатизацией политических событий можно считать *привнесение с помощью системы медиаинструментов событий политического и военно-политического характера в информационную повестку общества, семьи, конкретно взятого человека, не имеющих прямого отношения к такой действительности.*

Вместе с умением видеть современные тенденции медиатизации политических событий, в том числе связанных с использованием военной составляющей, нужно понимать, что эта медиатизация осуществляется с неизбежным использованием журналистами и средствами массовой информации комплекса идеологем,

которые «приходят» в медиатексты в качестве исторических бэкграундов, пропагандистских установок государства, выступлений лидеров общественного мнения, литературно-публицистических произведений и произведений культуры и искусства.

«Постсоветское пространство» (синоним «ближнее зарубежье») – системообразующая идеологема, некогда географический термин, обозначавший пространство, образовавшееся после распада Советского Союза, «территория бывших союзных советских республик, образующих СССР» (Скрыпников А. В. Геополитика. Краткий словарь / Скрыпников А. В.; Ларионова И. С.; Нагиев Г. Г.; Черных В. М.; Долгов А. П. М. : Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», 2014. С. 114), идеологизирован смыслами, придаваемыми ему историей, социокультурным и военно-политическим контекстом.

Существует большое количество научных подходов к термину «идеологема», но в основе всех их – соотнесенность с идеологией, определенная М. М. Бахтиным, который писал, что «единый национальный язык» расслаивается на «словесно-идеологические и социальные кругозоры», «языки-идеологемы» (Бахтин 1975: 101, 104). Н. А. Купина однозначно связывает идеологему с идеологией, полагая, что под термином понимается «вербальная единица, непосредственно связанная с идеологическим денотатом» (Купина 2005: 91). Аналогичное понимание дает и А. П. Чудинов – единица, слово «имеющее в своем значении идеологический компонент» (Чудинов 2007: 92).

Рассматривая особенности функционирования идеологемы «постсоветское пространство» в журналистских текстах, мы можем предположить, что эти особенности имеют отношение к идеологической концепции России, рассматривающей бывшие республики Советского Союза как свою сферу влияния. Об этом пишет, например, китайский исследователь Чжао Хуашэн, который констатирует и уникальность концепции ближнего зарубежья, и имперские корни этой концепции: «Ближнее зарубежье – исключительно российская концепция, наследие, доставшееся Москве после распада Советского Союза. И хочет она того или нет, Россия не может не принимать своё имперское наследие» (Хуашэн 2021). В. Г. Егоров рассматривает постсоветское пространство следующим образом: «территориальная локализация новых независимых государств, связанных общностью существования в одном государстве и сохраняющих в связи с этим некую идентичность» (Егоров 2014: 7).

Попытаемся проанализировать специфику функционирования идеологемы «постсоветское пространство» на примере материалов российских СМИ, при этом примем во внимание несколько аспектов, оказывающих влияние на практику использования журналистами этой идеологемы.

Во-первых, *политический*. Освещающие события политического и военно-политического характера российские журналисты следуют определенным редакционным политикам своих изданий, ориентирующихся на официальную позицию властей РФ. При этом возможность отправить корреспондентов в масштабную командировку имеется исключительно у федеральных СМИ, обладающих как организационными, так и финансовыми возможностями для таких мероприятий.

Во-вторых, *военный*. Многие страны ближнего зарубежья и постсоветского пространства входят в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) вместе с Россией (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения и Белоруссия). Одним из условий такого членства является возможность обратиться в случае гражданского противостояния, угрожающего государственности, за военной помощью блока. Попросивший некоторое время назад помощи для преодоления внутренних беспорядков Казахстан предстал стороной, нуждающейся в защите, а прибывшие военнотружущие РФ и Армении – гарантами стабильности и порядка. Именно такая диспозиция не только отображала положение дел, но и являлась ключевым элементом редакционных заданий крупных федеральных СМИ, отправивших своих репортеров в дружественное государство.

В-третьих, *экономический* аспект. Российская экономика и экономики ближнего зарубежья тесно связаны и взаимозависимы, что обязывает Россию постоянно контролировать процессы, происходящие в странах, некогда входивших в Советский Союз.

В-четвертых, *социокультурный*. Его имеет смысл рассматривать в двух политических плоскостях. М. Л. Аверьянов пишет о том, что «по различным оценкам, число соотечественников, проживающих в постсоветских республиках и ощущающих неразрывное культурно-историческое единство с российским народом, превышает 20 млн человек, большая часть из которых проживает там постоянно» (Аверьянов 2015: 20). Кроме того, к 2022-му в России постепенно была скорректирована концепция русского мира, занявшая видное место в отечественном общественно-политическом дискурсе. Как отмечают М. А. Волхонский и В. М. Муханов, «широкое понимание идеологемы «русский мир» подразумевает включение в него всех проживающих как в России, так и за рубежом этнических русских, а также людей, имеющих иное этническое происхождение, но сознающих (и часто декларирующих) свою принадлежность к русской истории и культуре» (Волхонский, Муханов 2019: 59).

Во многих странах постсоветского пространства русскоязычные диаспоры составляют значительную часть населения. Так, в Казахстане более 20 % населения республики – этнические русские, которые, к

тому же, расселены преимущественно на севере страны, граничащем с Россией, и сохраняют большие связи с исторической родиной.

Север Казахстана, где проживает значительное число граждан славянского происхождения, давно числится среди «особых» тем сторонников концепции русского мира, о чем упоминал еще писатель Александр Солженицын в своей знаменитой статье «Как нам обустроить Россию?» (Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? // Комсомольская правда. 18 сент. 1990).

Вместе с тем, многие исследователи отмечают, что политические реалии заметно расходятся с таким видением ситуации. Например, В. Ю. Лукьянов подчеркивает, что «уже сейчас термин «постсоветское пространство» достаточно условен. За три десятилетия, прошедшие после распада СССР, бывшие советские республики дистанцировались друг от друга и теперь отличаются принципами государственно-политического устройства, уровнем экономического развития, внешнеполитической ориентацией» (Лукьянов 2022: 63). Аналогичную позицию высказывает и профессор Т. Д. Валовая: «чем скорее мы откажемся от термина «ближнее зарубежье», чем скорее привыкнем к тому, что страны Содружества – это «зарубежье» настоящее, с которым необходимо иметь особые, привилегированные отношения <...>, тем лучше будет для всех, и в первую очередь для России» (Валовая Т. Постсоветское пространство в эпоху прагматизма // Российская газета. 10 авг. 2005).

Доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ А. Гушин сомневается в соответствии термина «постсоветское пространство» реальности: «Конечно, 1991 год был важнейшей вехой, точкой на пути развития всего того, что мы сегодня называем постсоветским пространством, хотя, по большому счёту, есть дискуссии относительно смысла этого постсоветского пространства – можно ли его вообще считать постсоветским?» (Итоги 30 лет развития: что объединяет постсоветское пространство? // ИА РЕГНУМ. URL: <https://regnum.ru/news/3322013>, дата обращения: 4.06. 2023).

Все это позволяет считать идеологему «ностальгической», то есть в значительной степени обращенной к прошлому государства, которого уже не существует. Во многих публикациях присутствует историческая инерция: несуществующая страна продолжает считать близкими себе суверенные страны, давно уже дистанцировавшиеся от России: «не вижу ничего предосудительного и в том, чтобы вернуть в наш дипломатический лексикон и в нашу внешнеполитическую практику термин «ближнее зарубежье». Географию не переделать, а по содержанию ничего унижительного для партнёров России в нем нет: близкими называют друзей и родственников» (Косачев предложил вернуть в дипломатию России понятие «ближнее зарубежье» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220705/politika-1800294517.html/>, дата обращения: 7.06.2023).

Вместе с тем функционирование идеологемы «постсоветское пространство» в медиатекстах демонстрирует еще и прагматическую компоненту: постсоветское пространство представляется зоной политических, экономических и военных интересов России. Вот как, например, пишет об этом И. В. Крючков: «Россия оказывается прагматически заинтересованной в сохранении постсоветскими государствами своего суверенитета, реального, основанного на устойчивых системах власти, как гарантии от внешнего манипулирования, в том числе вывода потенциально конфликтных межгосударственных или внутригосударственных ситуаций в военно-силовое русло» (Крючков 2022: 236).

Обратимся к текстам. Для анализа специфики функционирования идеологемы «постсоветское пространство» в российских политических медиатекстах нами изучено более 100 публикаций в таких изданиях и сетевых СМИ, как «Российская газета», «Известия», «Взгляд», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Эксперт», информационных агентств РИА Новости, Лента.ру, РЕГНУМ.

В большинстве материалов российских СМИ, посвященных политической проблематике, отмечаются особая роль, право и обязанность России влиять на события на постсоветском пространстве, удерживая части этого пространства от военных конфликтов друг с другом. При этом подчеркивается, что российский контроль над пространством осуществляется и для противостояния недругам России: *Немалая часть постсоветского пространства запрограммирована на конфликты самим фактом случайного и внезапного возникновения там независимых государств – и если Россия не занимается ими, то тем самым дает возможность другим внешним силам разыгрывать эти карты* (Акопов П. Постсоветскому пространству пора готовиться к тому, что будет после Украины // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221025/ukraina-1826385223.html>, дата обращения: 28.05.2023).

Идеологема «постсоветское пространство» используется для демонстрации объединяющей роли России, которая, по мысли авторов, спланирует бывшие советские республики, защищая их от внешних угроз: *Министр иностранных дел России Сергей Лавров назвал целью западных стран «фрагментировать» постсоветское пространство и рассорить страны и народы* (Лавров назвал целью Запада рассорить постсоветское пространство // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2022/09/30/lavr/>, дата обращения: 28.05. 2023).

Борьба за это сплочение рассматривается как приоритет России, носит принципиальный и бескомпромиссный характер и рассматривается как «схватка»: *Президент России Владимир Путин близок*

к победе над Западом в схватке за постсоветское пространство (Нуриева С. Президент России Владимир Путин близок к победе над Западом в схватке за постсоветское пространство // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/02/17/17303179.shtml/>, дата обращения: 25. 05. 2023).

Во многих публикациях Россия выступает на постсоветском пространстве «старшим братом», главным и безальтернативным партнером «младших» – бывших республик Советского Союза, защищая их своей экономической и военной мощью от враждебного Запада: *Россия сражается за свою и соседей безопасность против попыток Запада освоить все постсоветское пространство, а также против «маниакального» расширения НАТО в восточном направлении* (Российский сенатор заявил о стремлении Запада освоить постсоветское пространство // МК. 25 февр. 2023); *По указанию президента российский МИД разработал проект концепции внешней политики государства, который представляет Россию «островом стабильности» в «турбулентном мире» и в котором приоритетом названа интеграция на постсоветском пространстве* (Райбман Н. Главным приоритетом внешней политики России предлагается сделать постсоветское пространство // Ведомости. 14 дек. 2012). При этом право России на лидерство на постсоветском пространстве считается авторами публикаций очевидным, а все попытки оспорить это лидерство – враждебными: *Видим стремление Запада перекроить постсоветское пространство, разрушить многовековые связи между проживающими там народами и навязать собственную шкалу демократических ценностей* (Байкова Т. «Видим стремление Запада перекроить постсоветское пространство» // Известия. 2021. 10 февр.). В качестве примера попыток навязать постсоветскому пространству иную систему ценностей часто приводится Казахстан: *Одной из самых горячих точек на постсоветском пространстве год назад был Казахстан. 2 января 2022 года в этой стране произошли массовые беспорядки и попытка госпереворота, погибли сотни людей* (Отрокова О. Какие проблемы скрывает Казахстан за красивым фасадом // Взгляд. URL: <https://vz.ru/world/2023/1/2/1190741.html>, дата обращения: 24.05.2023).

Постсоветское пространство, с точки зрения большинства авторов, – территория бесспорного экономического доминирования России, выступающей арбитром во всех или почти во всех значимых бизнес-процессах: *Российские партнеры на постсоветском пространстве – государства, которые обеспечивают свое экономическое развитие за счет доступа на российский рынок, социальную стабильность за счет миграционных потоков в РФ, а также политическую стабильность за счет российского щита в виде ОДКБ* (Мирзаян Г. Почему постсоветское пространство тревожит освобождение Киева // Взгляд. 26. авг. 2022).

В политических медиатекстах рассматривается опасность дестабилизации постсоветского пространства через объединение на территориях стран, его составляющих, организованного криминала: *По словам собеседника, такой компромат Седату предложили отработать в 2014 году довольно оригинальным способом: попросили оставить турецкое правительство в покое и взяться за более серьезную мишень – подмять с помощью криминала под себя республики на постсоветском пространстве, чтобы создать на их территории так называемый «воровской Туран»* (Бойко А. Погромы в Казахстане должны были стать началом строительства «Воровского турана» // Комсомольская правда. 12 янв. 2022).

Ряд авторов высказывают мнение о необходимости реформирования политики России на постсоветском пространстве, учитывая его значимость для страны, в материалах содержится критика этой политики, указывается на отсутствие адекватности принимаемых мер в отношении произошедших изменений: *Получается, что имперско-советская модель вбирания в себя территорий и привязывания их к себе сбоят и России, несмотря на отсутствие сколько-либо серьезных утрат на постсоветском пространстве, требуется новая модель экспансии. Другой вопрос: какой должна быть такая экспансия?* (Андреев Д. Кольцо сжимается: сможет ли Москва удержать постсоветское пространство? // Эксперт. 25 дек. 2020).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что, интегрируя в свои тексты идеологему «постсоветское пространство» («ближнее зарубежье»), журналисты преследуют несколько целей. Среди них:

- фиксация некой общности, основанной на истории и культурных традициях, даже более чем через тридцать лет с момента распада Советского Союза;
- создание идеологической основы для дальнейшего совместного существования и взаимодействия в рамках исторической памяти, общих традиций и культурного кода;
- подчеркивание особенности отношений, близости политических культур, готовности идти на уступки друг другу и учитывать интересы сторон;
- демонстрация схожести проблем, стоящих перед народами бывшего СССР, и способов преодоления этих сложностей;
- убеждение в необходимости единства экономико-политического пространства;
- напоминание о традициях военного и военно-технического сотрудничества и оборонная интеграция;
- утверждение готовности помочь друг другу в сложной международной обстановке.

Все это позволяет использовать идеологема «постсоветское пространство» как для медийного анализа происходящих политических и военно-политических процессов в постсоветских странах, так и для решения пропагандистских задач.

Список источников

- Аверьянов М. Л. Постсоветское пространство в контексте трансформации системы миропорядка: новая формация или уходящая реальность? // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3 (227). С. 19–27.
- Амиров В. М. Российская журналистика вооруженных конфликтов: современные практики и тенденции развития : дис. ... д-ра филол. н. Екатеринбург, 2020. 311 с.
- Бахтин М. М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. 502 с.
- Волхонский М. А., Муханов В. М. Концепция «Русского мира». Множественность смыслов в контексте международных процессов // Международная аналитика. 2019. № 4. С. 58–65.
- Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.
- Егоров В. Г. Постсоветское пространство в современном политическом дискурсе // Политические процессы на постсоветском пространстве : материалы международной конференции (Москва, 23 апреля 2014 г.) / отв. ред. и сост. В. Г. Егоров, А. В. Абрамов. М. : ИИУ МГОУ, 2014. 319 с.
- Купина Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2005. С. 90–104.
- Крючков И. В. Геополитические факторы национальной безопасности Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 231–238. DOI: 10.34670/AR.2022.45.41.027.
- Лабуш Н. С., Пуя А. С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб : Изд-во СПбГУ, 2019. 340 с.
- Лукьянов В. Ю. Постсоветское пространство в контексте отношений Россия–Запад: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2022. Т. 22. № 2. С. 59–69. DOI: 10.37482/2687-1505-V164.
- Наседкина Н. И. Сущность медиатизации как явления современного общества // Филология и искусствоведение: электронный научный журнал. 2018. № 9 (55). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (дата обращения: 27.05.2023).
- Хуашэн Ч. Россия и её ближнее зарубежье: вызовы и перспективы // Россия в глобальной политике. 2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-blizhnee-zarubezhe/> (дата обращения: 04.06.2023).
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М. : Флинта: Наука, 2007. 254 с.

References

- Averyanov, M. L. (2015). Postsovetskoe prostranstvo v kontekste transformatsii sistemy miroporyadka: novaya formatsiya ili ukhodyashchaya real'nost'? [Post-Soviet space in the context of the transformation of the system of the world order: a new formation or outgoing reality?]. *Nauchno-tehnicheskie ведомosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 3 (227), 19–27. (In Russ.).
- Amirov, V. M. (2020). *Rossiyskaya zhurnalistika vooruzhennykh konfliktov: sovremennye praktiki i tendentsii razvitiya* [Russian journalism of armed conflicts: modern practices and development trends]. Екатеринбург, 311 p. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). Slovo v romane [The Word in the Novel]. *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 502 p. (In Russ.).
- Volkhonsky, M. A. & Mukhanov, V. M. (2019). Kontseptsiya «Russkogo mira». Mnozhestvennost' smyslov v kontekste mezhduarodnykh protsessov [Concept of “Russian World.” Multiplicity of meanings in the context of international processes]. *Mezhduarodnaya analitika*, 4, 58–65. (In Russ.).
- Gureeva, A. N. (2016). Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v usloviyakh tsifrovoy sredy [Theoretical understanding of mediatization in a digital environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6, 192–208. (In Russ.).
- Egorov, V. G. (2014). Postsovetskoe prostranstvo v sovremennom politicheskom diskurse [Post-Soviet space in modern political discourse]. *Politicheskie protsessy na postsovetskom prostranstve : materialy mezhduarodnoy konferentsii (Moskva, 23 aprelya 2014 g.) / otv. red. i sost. V. G. Egorov, A. V. Abramov*. Moscow : IIU MGOU, 319 p. (In Russ.).
- Kryuchkov, I. V. (2022). Geopoliticheskie faktory natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Geopolitical factors of national security of the Russian Federation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, tom 11, 4A, 231–238. DOI: 10.34670/AR.2022.45.41.027. (In Russ.).
- Labush, N. S. & Puyu, A. S. (2019). *Mediatizatsiya ekstremal'nykh form politicheskogo protsessa: voyna, revolyutsiya, terrorizm* [Mediatization of extreme forms of the political process: war, revolution, terrorism]. SPb: Izd-vo SPbGU, 340 p. (In Russ.).
- Lukyanov, V. Yu. (2022). Postsovetskoe prostranstvo v kontekste otnosheniy Rossiya–Zapad: problemy i perspektivy [Post-Soviet space in the context of Russia–West relations: problems and prospects]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*, T. 22, 2, 59–69. DOI: 10.37482/2687-1505-V164 (In Russ.).
- Nasedkina, N. I. (2018). Sushchnost' mediatizatsii kak yavleniya sovremennogo obshchestva [The essence of mediatization as a phenomenon of modern society]. *Filologiya i iskusstvovedenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 9 (55), available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (accessed: 25.02.23). (In Russ.).
- Huasheng, Zhao. (2021). Rossiya i ee blizhnee zarubezh'e: vyzovy i perspektivy [Russia and its near abroad: challenges and prospects]. *Rossiya v global'noy politike*, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-blizhnee-zarubezhe/> (accessed: 25.02.2023). (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2007). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 254 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В. М. Амиров – доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий
Д. С. Колчин – корреспондент информационного агентства «Интерфакс-Урал»

Information about the authors

Valery M. Amirov – Doctor of Philology, Professor of the Department of Periodicals and Online Publications

Denis S. Kolchin – correspondent Interfax-Ural news agency

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2023; одобрена после рецензирования 03.08.2023; принята к публикации 25.08.2023.
The article was submitted 23.07.2023; approved after reviewing 03.08.2023; accepted for publication 25.08.2023.